

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Липинский Дмитрий Анатольевич

Профессор департамента магистратуры
Тольяттинского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: Dmitri8@yandex.ru

О некоторых противоречиях действующего законодательства и правотворчества с принципами юридической ответственности*

***Аннотация:** актуальность исследования предопределена исторической изменчивостью принципов юридической ответственности, их неоднозначным толкованием как на официальном, так и на доктринальном уровне, а также низким уровнем их действенности и эффективности. Кроме того, усиленно декларируемые западные ценности, идущие вразрез с российской правовой культурой и ментальностью, создают угрозы для потери самоидентичности российского права. Цель исследования заключается в выявлении противоречий между принципами юридической ответственности и действующим законодательством с практикой его применения, а также в разработке рекомендаций, направленных на их минимизацию. Мировоззренческой основой исследования выступили категории диалектики, с позиции которых принципы юридической ответственности исследовались в движении, развитии, изменчивости, во взаимосвязи с существующими реалиями правовой жизни. Нашли свое применение и традиционные для юридической науки формально-юридический и структурно-правовой методы исследования. Обосновывается идея об отсутствии полного и всестороннего закрепления в действующем законодательстве принципов юридической ответственности, выработанных правовой наукой, показывается их декларирование, а не реальное действие. Отмечается, что такие положения о свойствах принципов юридической ответственности, как высшая юридическая сила; возможность выводить их из смысла всего*

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

закона во многом являются теоретическими положениями, но не формализованными понятиями. Показывается обесценивание принципа справедливости посредством привнесения на первое место законности с присущим ему формализмом и выхолащиванием нравственного содержания и принципов юридической ответственности, что во многом обусловлено низким уровнем правосознания и правовой культуры как законодателя, так и правоприменителя. Вносятся предложения, направленные на устранение существующих противоречий.

Ключевые слова: принципы юридической ответственности; противоречия; правовая система; принцип справедливости; принцип законности; принцип правовой определенности.

Lipinskij Dmitriij Anatol'evich

*Professor of Magistracy department of
Tolyatti State University,
Doctor of Legal Sciences, Professor*

Concerning Some Contradictions of Current Legislation and Lawmaking With the Principles of Legal Responsibility

Annotation: *the relevance of the article is preordained by historical changeability of the principles of legal responsibility, their ambiguous interpretation on both official and doctrinal level and by the low level of their effectiveness. Besides that the western values incentively declared nowadays run counter to the Russian legal culture and threaten self-identity of the Russian law. The purpose of the study is to identify contradictions between the principles of legal responsibility and current legislation with the practice of its application, as well as to develop recommendations aimed at minimizing them. The world-view basis of the study was the categories of dialectics, from the position of which the principles of legal responsibility were studied in movement, development, variability, in conjunction with the existing realities of legal life. The author also applies traditional formal legal and structural legal research methods. The author of the article substantiates the idea of the absence of a complete and comprehensive consolidation in the current legislation of the principles of legal responsibility, developed by legal science, shows their declaration, not real action. The author believes that such provisions on the properties of the principles of legal responsibility, as the highest legal force; the ability to deduce them from the meaning of the entire law is in many respects theoretical provisions, but not formalized concepts. The depreciation of the principle of justice is shown by bringing to the first place legality with its*

inherent formalism and emasculation of the moral content and principles of legal responsibility, which is largely due to the low level of legal awareness and legal culture of both the legislator and the law enforcement officer. The author also suggests to eliminate the existing contradictions.

Keywords: *principles of legal responsibility, contradictions, legal system, principle of justice, principle of legality, principle of legal preordain.*

Категория принципов юридической ответственности, непосредственно связанная с существующими моральными ценностями, находится в зависимости от правосознания общества, в целом, и законодателя, в частности, от правовой и общей культуры общества. Поэтому не случайно в теории государства и права получила распространение их классификация на нравственно-юридические и специально-юридические, в основе которой лежит степень взаимосвязи с существующими моральными ценностями [1, с. 170], представлениями о добре и зле, каре и воздаянии, гуманности и антигуманности.

Следует отметить, что такая классификация используется в отношении общеправовых принципов, но она вполне применима и к принципам юридической ответственности. Нельзя не указать и на ее условность, связанную с тем, что все право в целом, а также его принципы (без исключения) в той или иной степени связаны с существующей моралью, нравственностью и другими ценностями, находящимися в сфере правосознания, общей и правовой культуры, религии и т. д. Причем между этими явлениями существует не односторонняя взаимосвязь. Так, с одной стороны, ценности, опосредованные правосознанием, находят свое выражение в действующем законодательстве, в том числе и в виде отправных начал, а с другой — они сами оказывают обратное воздействие на существующую культуру, правосознание и другие субъективные явления. Поэтому во многом данная категория является объективно-субъективной, а не только формализованной в виде строгих правовых формулировок. Нормативные предписания, составляющие содержание тех или иных принципов, подлежат толкованию, качество которого также зависит от правосознания, правовой культуры, а также иных факторов.

Мы не случайно указали на связь всех принципов юридической ответственности с моралью, нравственностью и правовой культурой, т. к. думается, что сегодня остро встает вопрос о наполнении принципов законности, дифференциации, индивидуализации нравственным содержанием. Такая постановка проблемы обусловлена тем, что в

последнее десятилетие обычный формализм, свойственный законности, вступает в противоречие с социальной полезностью обязанностей, запретов и правомочий. Думается, что это обусловлено искусственно навязанными западными ценностями, которым и ранее не была свойственна в законодательных определениях правонарушений категория «общественная опасность» или «общественная вредность», на что нами обращалось внимание ранее в проведенных исследованиях. Отечественные правовые традиции, наоборот, исключали сухой формализм. Конечно, за сказанным кроются длительные споры о соотношении законности и целесообразности, широким и узким понимании права, соотношении естественного права с позитивным. Являясь по своим убеждениям сторонником нормативного подхода к праву, предлагаю взглянуть на данную проблему под несколько иным углом зрения, оценивая не только общественную опасность или вредность правонарушения, но и социальную полезность самих предписаний. В противном случае сложно будет говорить о достижении целей правового регулирования в целом. Отечественные правовые традиции и культура, по своей сути, являются препятствием для искусственно насаждаемых западных «ценностей», которые у нас превращаются в формализм, а часто в цинизм, двойные стандарты, т. е. в явления, чуждые социальной справедливости.

Проведенный нами ранее обзор некоторых зарубежных концепций социальной справедливости показывает, что ни одна из них не согласуется с существующими в нашем обществе представлениями о данном феномене. Очень кратко напомним о них. Так, западные ученые считают справедливость религиозным суеверием; некоторыми из них отрицается распределительный аспект справедливости; еще одна группа ученых исключают все нравственное содержание, делая акцент только на формальном аспекте; справедливость также называют гуманистическим пафосом. Многие ученые продолжают развивать идеи Савиньи о том, что сфера морали не относится к юридической науке. Очевидно, что такие «ценности» чужды нашему обществу. На основании изложенного сложно согласиться с выводом О. А. Козловой о том, что о справедливости юридической ответственности можно утверждать, если она соответствует принципам законности, неотвратимости, виновности и индивидуализации [2, с. 9]. Несложно заметить, что все названные принципы носят сугубо формальный характер, соответственно, и справедливость в таком понимании становится формальной категорией.

Довольно часто ученых упрекают в том, что их рассуждения о соотношении права и морали, добра и зла, о каре и воздаянии носят исключительно теоретический характер и не затрагивают практических

аспектов. Однако отметим, что это доктринальный и идеологический уровень, находящийся в базисе, и его игнорирование, в конечном итоге, приводит к печальным последствиям. Можно подвести не очень утешительный итог: сухой формализм в исполнении различных национальных планов не привел к созданию инновационной и передовой экономики, а также не снизил уровень преступности и иных правонарушений и не привел к существенному росту населения страны. Конечно, формализм, зарегламентированность общественных отношений – не единственная причина сложившейся ситуации, но и она сыграла свою роль. Кроме того, такой подход приводит и к определенной моральной деградации, дальнейшему разрушению существующих ценностей, создавая угрозу потери правовой и государственной самоидентичности. Еще в большей степени обострилось отсутствие восприятия требований в правосознании обычных граждан в сравнении с правящей элитой, устанавливающей эти требования. В действующем законодательстве последняя навязывает свои представления о социальной справедливости, не согласующиеся с интересами населения страны. Конечно, в данном случае мы не имеем в виду запреты и обязанности, вытекающие из самых элементарных правил цивилизованного человеческого общежития.

Принципы юридической ответственности являются отражением цивилизованности общества, его менталитета, национальной идеи, им также свойственна историческая изменчивость. Это теория, но реалии современной правовой жизни стали расходиться с ней. В юридической литературе, в том числе основанной на социологических исследованиях, стали указывать на современное государственное устройство России как на «олигархический капитализм, а две трети опрошенных считают, что проводимая государством политика не отвечает интересам большинства населения» [3, с. 45]. В связи с чем система права становится выражением интересов отнюдь не большинства населения страны. Соответствующие трансформации происходят в институте юридической ответственности и практике его применения.

Причем с течением времени меняется не только количество принципов, но и их взаимодействие с содержанием, а также различные характеристики диалектических противоречий и противоположностей, не одинаковые в различных исторических периодах развития государства и права. К примеру, неотвратимость ответственности всегда противостоит гуманизму, вызывая определенные противоречия. Так, с одной стороны, из принципа неотвратимости вытекает требование о привлечении к ответственности, наличии реакции на правонарушения, а гуманизм предполагает прощение и милосердие в отношении правонарушителя.

Существующие определенные исключения для некоторых категорий субъектов уже подчеркивают противоречия с равноправием как одним из требований принципа законности. Однако это не только противоречия, но и момент единства принципов, образующих сложную взаимодействующую систему.

Однако неотвратимость ответственности не закреплена специально в нормативных правовых актах. Существование данного принципа ученые выводят в результате толкования целей и задач, стоящих перед правоохранительными органами, а также перед рядом нормативных правовых актов в целом, хотя в реальности все намного сложнее. Так, получило распространение «избирательное правосудие», или назначение мер ответственности, не соответствующих характеру и степени общественной опасности правонарушения; закрепление мер ответственности за совершение правонарушений, свойственных правящей элите и экономически господствующему классу, которые изначально несправедливы и носят чрезмерно мягкий характер. За многие возможные деяния, потенциально опасные для общества, юридическая ответственность не установлена, что является уже проявлением безответственности в общественных отношениях.

В юридической литературе для определения принципов права, в целом, и юридической ответственности, в частности, используют такие понятия, как «исходные начала»; «отправные положения»; «руководящие идеи»; «основополагающие положения»; «однопорядковые явления с сущностью права»; «общие положения» [4, 5, 6, 7] и т. д. Во многом они синонимичны и несут практически одинаковую смысловую нагрузку, которая раскрывается уже за рамками лаконичного определения. Принципы юридической ответственности — это отправные идеи, закреплённые в действующем законодательстве, характеризующие сущность и содержание юридической ответственности и определяющие ее законодательное развитие и практику применения. К числу основных характеристик принципов юридической ответственности относятся: взаимосвязь с общими принципами права; отражение в них сущности и социального предназначения юридической ответственности; закреплённость в той или иной форме в нормативном правовом акте; историческая изменчивость; производность от уровня культуры, менталитета и правовой доктрины; особая юридическая сила и место в механизме правового регулирования; отражение в них именно отправных (исходных) начал и идей, свойственных цивилизованному обществу; взаимосвязь с нормами морали.

Такое понимание принципов сложилось под некоей «эйфорией» о

закреплении естественных прав и свобод человека и гражданина в обновленном законодательстве России, больших надеждах на ее прямое и непосредственное действие. Именно этими аспектами и предопределено указание на «закрепление принципов юридической ответственности в действующем законодательстве».

В реальной действительности оказалось, что многие положения, закрепленные в Основном Законе, либо не действуют, либо постоянно нарушаются, а некоторые недостаточно четко сформулированы, обуславливая их толкование Конституционным Судом РФ. Так, следует признать, что не все принципы юридической ответственности понятно, недвусмысленно и предельно определенно закреплены в действующем законодательстве. В последние годы они (принципы) стали выводиться и на основе решений КС РФ, т. к. они не закреплены непосредственно в законодательстве, а, как известно, в строгом смысле этого понятия решения Конституционного Суда РФ не относятся к законодательству. Проблема не стояла бы так остро, если бы принципы юридической ответственности закреплялись в резолютивной части решений КС РФ, но на них орган судебного контроля предпочитает указывать в мотивировочной части решения, которая получила название правовых позиций. Вопрос об их юридической природе в настоящее время остается спорным, несмотря на то что на практике суды общей юрисдикции в мотивировочной части решений часто ссылаются именно на правовые позиции КС РФ, которые также изложены в мотивировочной части.

Думается, что в настоящее время еще рано утверждать о том, что «все принципы юридической ответственности закреплены в действующем законодательстве». Выводы ученых о закреплении всех принципов юридической ответственности были сделаны на основании действующего в тот период законодательства; доктринального толкования норм Конституции РФ; анализа решений КС РФ; в соответствии с духом закона и представлениями о социальной справедливости. Предлагались достаточно смелые идеи о том, что принципы права, как и юридической ответственности, обращены не только к правоприменителю, но и к законодателю, а также что они обладают большей юридической силой в сравнении с нормами, являющимися правилами поведения. Однако реалии правовой жизни оказались иными. Так, в научных работах устанавливались одни критерии справедливости юридической ответственности, ее дифференциации, законности, но у законодателя они оказались совсем иными. В целом верное доктринальное положение о том, что принципы юридической ответственности обращены и к законодателю, на практике по отношению к различным видам юридической

ответственности реализуются по-разному. В одних случаях они воспринимаются законодателем, а в других — нет. Во многом это обусловлено уровнем правовой культуры и правосознания, а также восприятием существующих ценностей.

В числе принципов юридической ответственности называются такие отправные положения, как справедливость; гуманизм; законность; неотвратимость; виновность деяния и индивидуализация. Однако следует задаться вопросом, все ли принципы юридической ответственности должным образом закреплены в действующем законодательстве и, самое главное, как они реализуются. Возникает и вопрос о том, не обособились ли из уже существующих новые принципы, ввиду изменчивости реалий современной государственно-правовой жизни.

В настоящее время существует много угроз, носящих именно правовой характер, обусловленных несовершенством самих правовых норм, поэтому также встает вопрос о принципах юридической ответственности, которые обращены именно к законодателю. К ним мы относим принципы правовой определенности и дифференциации юридической ответственности. В юридической литературе указывается на несколько возможных форм закрепления принципов. Так, в ряде случаев они формулируются в одной статье нормативного правового акта (НПА), носящей название соответствующего принципа; иногда законодатель «рассредоточивает» их по нескольким статьям НПА; в литературе также отмечается, что принципы могут выводиться из общего смысла закона или его «духа». Последняя форма закрепления принципов предполагает их различные толкования разными субъектами общественных отношений, которые не обладают одинаковой юридической силой.

В связи с этим возникает понимание, что не все принципы юридической ответственности могут быть непосредственно закреплены в действующем законодательстве. Если проанализировать нормативные правовые акты, предусматривающие принципы юридической ответственности, то наиболее совершенным в данном отношении следует признать Уголовный кодекс РФ, где принципам законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма посвящены специальные статьи (ст. 3–7). Однако, если мы обратимся именно к доктрине юридической ответственности и сопоставим законодательные формулировки с положениями, разработанными наукой и практикой Конституционного Суда РФ, то вторые окажутся намного богаче и детальнее. К примеру, принцип законности в ст. 3 УК РФ раскрывается следующим образом: «1. Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим

Кодексом. 2. Применение уголовного закона по аналогии не допускается». Однако общеизвестно, что ядро законности заключается в точном и неукоснительном соблюдении и (или) исполнении предписаний правовых норм, а для уяснения данного положения необходимо обращаться к Основному закону РФ. Другим требованием принципа законности является недопустимость придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность. Однако это положение сформулировано в иной статье УК РФ. Одно из требований законности («никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление») отнесено к принципу справедливости (ст. 6 УК РФ).

О таких требованиях законности, как ясность, понятность, отсутствие двусмысленности и обеспечение единообразия толкования, уголовный закон, как и иные нормативные правовые акты, в которых устанавливаются меры ответственности, вообще не упоминает. Причем эти требования в большей степени обращены к законодателю, но закрепить их – означает связать власть определенными обязанностями, что невыгодно для последней. Как показывает практика КС РФ, а также надзорных инстанций, большинство обращений, отмен решений или признание норм не соответствующими Конституции обусловлено именно отсутствием ясности, определенности.

Одним из требований, на которое неоднократно указывалось в юридической литературе, является закрепление юридической ответственности только на уровне законов, а не подзаконных актов. Действительно, в последнее десятилетие была проведена ревизия подзаконных нормативных правовых актов, многие из которых признаны утратившими силу, а из других исключены санкции. Законодатель пошел другим путем, устанавливая ответственность в нормативном правовом акте уровня закона, формулируя в них бланкетные нормы. По сути речь идет о нарушении различных правил, требований, регламентов, приказов министерств и т. д. Подобного рода нормы всегда существовали, и без них не обойтись, так как в противном случае нормативные акты уровня закона будут представлять собой огромные по объему массивы текстовых материалов, нередко дублирующих друг друга. Однако в последнее десятилетие ведомственное нормотворчество приняло особый «размах», что обусловлено бюрократизацией государственного аппарата, издающего нормативные акты для собственного воспроизводства и самосохранения [8].

Как свидетельствует практика, такие требования подлежат частым изменениям под предлогом унификации, оптимизации,

совершенствования, повышения эффективности и так далее. Возможно, ситуация изменится в связи с принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», который, по сути, устанавливает правила для различных подзаконных актов. В настоящее время этот закон еще не вступил в силу, и пока сложно говорить о его действенности, и на сколько он сможет повлиять на сложившиеся реалии, но уже сейчас вызывает возражения ст. 1 (сфера применения настоящего Федерального закона), т. к. ею охватываются не все возможные области общественных отношений и по-прежнему остаются возможности для широкого и произвольного ведомственного нормотворчества.

Как об одном из требований законности, заключающемся в закреплении юридической ответственности в нормативных правовых актах уровня закона, принято утверждать применительно к санкциям, но сами требования могут содержаться в нормативных правовых актах иного уровня. И получается, что норма права рассредоточена по нормативным правовым актам с различной юридической силой. Получается, что мы приходим к противоречиям, заключающимся в расхождении требований законности с существующими реалиями. Причем очевидно, что без бланкетных норм не обойтись. Думается, что проблему можно решить, если к подзаконным нормативным правовым актам будут предъявляться особые требования, причем ко всем без исключения, а не только к тем, которые указаны в ст. 1 названного закона. Проблема усложняется также тем, что проверка на соответствие требованиям будет осуществляться органом исполнительной власти — Министерством юстиции РФ. Думается, что такое положение не соответствует теоретическим положениям о системе сдержек и противовесов. По своей сути, Министерство юстиции — это орган исполнительной власти. Получается, исполнительная власть проверяет сама себя, что явно нарушает принцип «*Nemo iudex in propria causa*». Согласно Конституции России источником власти является ее многонациональный народ, осуществляющий ее непосредственно или через своих представителей. Основным законодателем является Федеральное Собрание. Думается, что при нем должен существовать специальный орган, в чьи полномочия и будет входить проверка подзаконных актов на предмет соответствия законам. В противном случае, как уже было сказано, органы исполнительной власти проверяют сами себя.

Современное российское общество устало от двойных стандартов, исходящих от некоторых органов государственной власти. Так, в случае интереса со стороны бюрократического аппарата им вспоминается

принцип «незнание закона не освобождает от ответственности», а при его отсутствии – «забываются» самые элементарные принципы правового государства и юридической ответственности. И общество платит сполна за такое к нему отношение, отвечая массовыми нарушениями различных требований, исходящих от исполнительных органов государства. Причем подобное положение прямо вытекает из нарушений принципа справедливости, выхолащивания из него морали и нравственности и сведения последнего к обычному формализму, без оценки социальной полезности. Если девяносто процентов граждан не исполняют то или иное требование подзаконного акта, то это уже проблема не граждан, а самого органа, от которого исходит подобного рода требование.

Так или иначе, мы затронули одно из старейших правил, касающееся презумпции знания закона, которое не закреплено в каком-либо нормативном правовом акте. История данного принципа начинается с римского права, но в тот период количество законов было небольшим, право не знало деления на отрасли. В настоящее время по данным СПС «КонсультантПлюс» раздел «Законодательство Российской Федерации» содержит 263 795 нормативных документов. Физически невозможно знать все их положения. Конечно, многие нормативные правовые акты основаны на правилах человеческого общежития, которые усваиваются субъектом в процессе социализации, но освоить иные нормы полностью в принципе невозможно.

В завершение отметим, что между теоретическими положениями об обязательности принципов юридической ответственности для законодателя, правоприменителя и обычных субъектов и реальной действительностью существуют противоречия, заключающиеся в фактическом отсутствии обязательности для законодателя. Существуют противоречия и между презюмируемой в науке особой юридической силой принципов юридической ответственности и их реальным действием в рамках различных видов юридической ответственности, что во многом обусловлено уровнем правосознания и правовой культуры правоприменителя. Одно из положений принципа законности о закреплении юридической ответственности исключительно на уровне закона, а не подзаконного нормативного правового акта фактически нивелировано ведомственным нормотворчеством, характеризующимся частой сменой требований, обязанностей и запретов, которые не успевают осознаваться и восприниматься гражданами. В связи с этим применительно к специальным правилам поведения, закрепленным на уровне подзаконных актов, требует пересмотра положение о том, что незнание закона не освобождает от ответственности.

В настоящее время существует дисбаланс между справедливостью как принципом юридической ответственности и законностью со свойственным ей формализмом, исключая моральное содержание, которое в совокупности с иррациональными требованиями, содержащимися в подзаконных нормативных правовых актах, порождает их невосприятие субъектами и, как следствие, приводит к правонарушениям. Стало очевидно, что западная модель, исключая справедливость самих требований, чужда российской правовой культуре, ее традициям и не приводит к положительным результатам в регулировании общественных отношений. Формализм действий, в конечном итоге, приводит к формализму самого результата, а также к отсутствию достижения целей правового регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. и перераб. М. : Право и государство, 2005.

2. Козлова О. А. Справедливость как принцип юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

3. Мусаелян Л. А. Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 39. С. 36–52.

4. Рагузина О. В. Гуманизм и справедливость юридической ответственности в публичном и частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

5. Хачатуров Р. Л., Ягутян Р. Г. Юридическая ответственность. Тольятти : Междунар. академия бизнеса и банковского дела, 1995.

6. Мироненко М. Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права : дис. канд. юрид. наук. Самара, 2001.

7. Байтин М. И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2003. № 3. С. 4–16.

8. Протасов В. Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10. С. 55–61.

References

1. Bajtin M. I. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). 2-e izd., dop. i pererab. [The essence of law (Modern normative legal thinking on the verge of two centuries). 2nd edition enlarged and revised] M. : Pravo i gosudarstvo, 2005.

2. Kozlova O. A. Spravedlivost' kak princip yuridicheskoy otvetstvennosti : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Justice as a principle of legal responsibility : author's thesis for the degree of Candidate of juridical sciences.] M., 2005.

3. Musaelyan L. A. Reformy 90-h i ih ekonomicheskie i politiko-pravovye posledstviya // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2018. Vyp. 39. [Reforms of the 90s and their economic and political and legal consequences // Herald of Perm University. Legal sciences. 2018. Issue. 39.] P. 36–52.

4. Raguzina O. V. Gumanizm i spravedlivost' yuridicheskoy otvetstvennosti v publichnom i chastnom prave : dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, [Humanism and justice of legal responsibility in public and private law : author's thesis for the degree of Candidate of juridical sciences] 2001.

5. Hachaturov R. L., YAgutyayn R. G. YUridicheskaya otvetstvennost'. [Legal responsibility] Tol'yatti, 1995.

6. Mironenko M. B. Principy yuridicheskoy otvetstvennosti v sisteme principov prava : dis. ... kand. yurid. nauk. [Principles of legal responsibility in the system of principles of law : author's thesis for the degree of Candidate of juridical sciences] Samara, 2001.

7. Bajtin M. I. O principah i funkciyah prava: novye momenty // Pravovedenie. [On the principles and functions of law : new moments // Jurisprudence.] 2003. № 3. P. 4–16.

8. Protasov V. N. Irracional'nye metody vlastvovaniya kak instrument samosohraneniya i ekspansii byurokraticheski organizovannyh sistem upravleniya // Gosudarstvo i pravo. [Irrational methods of ruling as a tool for self-preservation and expansion of bureaucratically organized management systems // State and Law] 2017. № 10. P. 55–61.